

Предисловие

Настоящий очерк посвящен критике все громче и громче заявляющей о себе исламоведческой концепции, претендующей одновременно на общеметодологический и философско-культурологический статус – «Логико-Смысловой Теории» (сокр. ЛСТ), разработанной арабистом-исламоведом А.В. Смирновым, руководителем Сектора философии исламского мира Института философии РАН¹. Сокращенная версия моего первоначального очерка состояла из двух частей, первая из которых касалась ислама как религии и была опубликована сначала в журнале «Современный ислам» (№ 3, 2011 г.), а затем на данном сайте (06.02.2012). Вторая же часть, посвященная арабскому языку и мусульманской философской мысли, была принята к печати в ежегоднике «Ишрак» за 2012г. Однако позже редакция ежегодника, по соображениям лимитированного листажу, предложила дать эту часть в сокращенном/урезанном виде, с чем я не согласился, а потому и снял ее².

Мои возражения против ЛСТ касаются многих ее аспектов. Отчасти эти возражения были изложены мною в отзыве, который я как официальный оппонент представил на докторскую диссертацию А.В. Смирнова «Процедуры формирования смысла в средневековой арабо-мусульманской философии» (М.: Институт философии РАН, 1998), и особенно в моем выступлении при обсуждении подготовленной А.В. Смирновым на основе диссертации его монографии «Логика смысла» (М., 2001), которое вскоре после ее выхода состоялось в Секторе восточных философий Института философии. Подобная критика с моей стороны высказывалась исследователю и в отношении некоторых последующих его работ, хотя она и ограничивалась достаточно узким кругом участников дискуссий. Предать более широкой огласке свои возражения против ЛСТ меня подтолкнуло прежде всего следующее обстоятельство.

Еще в ранних работах, когда научный интерес А.В. Смирнова сосредотачивался на философской компоненте мусульманской культуры, заметно давало о себе знать отсутствие у него базисного философского образования. В частности, апеллируя к аристотелевской логике как нормативной для «западного» мышления и подчас видя «инологичность» мусульманской культуры в несоблюдении того или иного закона/схемы означенной логики, автор ЛСТ обнаруживал некорректное знание самой этой логики³. Когда же он стал распространять свои «логико-смысловые» штудии на мусульманскую культуру в целом, включая доктрину и право/фикх, тем сильнее проявилось также отсутствие у него и базисного образования по исламу. Поражает невероятная путаница,

демонстрируемая А.В. Смирновым в отношении элементарнейших положений ислама, голое отрицание одних реалий и постулирование абсолютно мнимых «фактов». Такие же некорректности допускаются им и касательно реалий западной/европейской культуры, привлекаемых исследователем в качестве контраста. Ко всему этому присовокупляются также дефекты теоретико-методологического характера: постулирование не совместимых друг с другом принципов; выдвижение в одном месте какой-то интерпретации данного текста/факта, а в другом месте – совершенно противоположной; некорректные ссылки на источники и т.п. В результате наложения друг на друга этих и прочих изъянов образуется совершенно несостоятельная конструкция под именем ЛСТ – типичный пример «гиганта на глиняных ногах».

Кроме того, в последние годы ЛСТ все более приобретает идеолого-культурологическую и геополитическую направленность, о чем красноречиво говорит, в частности, само название и подзаголовок выпущенной под редакцией А.В. Смирнова книги – «Россия и мусульманский мир: инаковость как проблема» (М., 2010). На мой взгляд, сформулированные в ее рамках выводы и особенно заложенные в ней импликации чреватые этно-культурным изоляционизмом.

Не скрывая симпатию к идеям Шпенглера и Данилевского, А.В. Смирнов настаивает на фундаментальной «инаковости/разнологичности»⁴ таких макрокультурных ареалов, как европейский (западный, включая русский), арабо-мусульманский (семитский), китайский и индийский, оставляя открытым вопрос о том, можно ли квалифицировать в качестве «ареалов» такие культуры, как культура индейцев доколумбовой Америки или жителей Африки южнее Сахары. Само это различие логик имеет расово-лингвистическую природу. В частности, для мусульманского и европейского ареалов оно детерминировано «материнскими» для них языками – арабским и греческим, которые и определяют соответствующие типы мировоззрения – «процессуальное» и «субстанциальное»⁵. По убеждению автора ЛСТ, мусульманская культура, «безусловно, является иной, нежели наша родная, – та, что сформировала образ мышления, наши исследовательские установки, наше представление о логичном и правильном» [31, с. 11]⁶. И эти расхождения «настолько глубоки, что они всесторонни, системны и нередуцируемы – они касаются самого основания, самого принципа смыслополагания» [29, с. 83].

Из таких установок, отрицающих универсальные/общечеловеческие элементы в логиках указанных ареалов, непременно следует невозможность ни аккультурации⁷, ни конструктивного сосуществования разнологичных культур. И сам А.В. Смирнов порой

высказывается в том смысле, что инологичные этно-культурные и конфессиональные меньшинства обречены на ассимиляцию или геттоизацию⁸, ибо толерантность должна проявляться лишь в отношениях между культурами, принадлежащими к одному и тому же типу логики⁹.

При всей социально-политической значимости этих и других идеологических выводов и импликаций ЛСТ, они не составляют предмета настоящего очерка, поэтому я ограничиваюсь констатацией лишь некоторых из них¹⁰. *В центре же моего внимания* здесь будет вопрос о состоятельности ЛСТ в научно-академическом и теоретико-методологическом плане. И прежде всего это касается ее фактологической базы, притом в отношении реалий не только мусульманской культуры, но и европейской/западной.

Что касается мусульманских реалий, фактологическая несостоятельность ЛСТ прослеживается как по двум основным областям религии ислама – теоретической (доктрина) и практической (фикх и этика), так и по пяти школам, которые А.В. Смирнов выделяет в качестве основных направлений классической арабо-мусульманской философии – каламу, фальсафе, суфизму, ишракизму и исмаилизму.

Конечно, для демонстрации шаткости фактологического фундамента критикуемой концепции можно было бы довольствоваться несколькими характерными примерами. Однако есть серьезное опасение, что мнимые или неадекватно представленные реалии, положенные в основу «логико-смысловых» культурологических и компаративистских выводов, могут откладываться в сознании читателя как подлинные факты, даже если он и не примет такие выводы. По этой причине мы будем останавливаться на неадекватном освещении А.В. Смирновым некоторых реалий, вне зависимости от того, привлекаются они непосредственно при построении ЛСТ или нет.

На теоретико-методологических и компаративистских аспектах ЛСТ мы остановимся в последней главе, где излагаются и некоторые заключительные/обобщающие замечания.

Поскольку обсуждаемая концепция исходит из тезиса о решающей роли языка (а точнее – его грамматики) в формировании «способа смыслополагания», характерного для той или иной культуры, мы вначале рассмотрим ее опорные лингвистические и филологические посылки.

¹ Как пишет в предисловии к одной из книг А.В. Смирнова ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор

А. С. Запесоцкий, эта концепция знаменует собой «очень большой прорыв в науке», ибо «может вылиться в научные открытия, сопоставимые по своей значимости в изучении культур с квантовой механикой в физике или с открытиями в сфере генной инженерии» [29, с.5].

² История со снятием статьи получила весьма некорректно освещение сначала в электронной реплике А.В. Смирнова на публикацию первой части очерка [38], а потом и в его ответной статье в ежегоднике «Ишрак» [40]. И я не стал бы комментировать данную им версию, если бы таковая не была показательной в плане свойственной автору ЛСТ манеры переименования фактов.

В первоначальном виде очерк состоял из четырех разделов, посвященных: 1) арабскому языку; 2) доктрине; 3) фикху/праву и этике; 4) философии (каламу, фальсафе, суфизму и ишракизму). Из-за большого объема очерка (более ста страниц) главный редактор «Ишрака» г-н Я. Эшотс предложил ограничиться публикацией в ежегоднике первого и четвертого разделов, поскольку именно в них, по его мнению, затрагиваются принципиальные для ЛСТ положения. Я согласился со снятием второго и третьего разделов, которые в том же месяце (мае 2011) я передал для публикации в журнале «Современный ислам». Эти же два раздела были выложены (06 февр.2012) на данном сайте, с указанием, что вторая часть очерка будет опубликована в «Ишраке».

О поступившей в редакцию «Ишрака» ответной статье А.В. Смирнова я узнал только в конце октября 2011г. (на конференции в Институте философии РАН, Москва, 28.09.2011), от г-на Эшотса. Через некоторое время (больше недели, насколько я помню) от него я получил текст этого ответа.

Когда в апреле 2012 г. мне прислали верстку моей статьи в «Ишраке», то я обнаружил, что в ней пропали две главы – о фальсафе и об ишракизме, которые, как объяснил потом Я. Эшотс, были опущены *из-за лимита общего*

листажа. Поскольку я считал невозможным опубликовать статью в таком урезанном виде, то в поисках конструктивного выхода были предложены разные варианты, в том числе восстановить указанные главы за счет опущения раздела о языке; ограничиться только вопросом о лингвистической базе ЛСТ (для чего я переоформил статью соответствующим образом); перенести всю полемику или часть ее на последующие выпуски. Но все эти варианты были отвергнуты А.В. Смирновым, который настаивал на публикации своего текста в прежнем виде (включая ссылки на уже опущенный раздел по философии) и с преамбулой, некорректно освещающей историю с сокращением текста моего очерка (а профессор Смирнов – заместитель директора Института философии, под чьей эгидой выпускается ежегодник). Тогда я и решил не только снять статью, но и выйти из состава редколлегии ежегодника.

Согласно же версии А.В. Смирнова, первоначальный вариант моего очерка, поступивший в редакцию «Ишрака» в мае 2011 г., «по согласованию с автором было решено разбить на две части и опубликовать в двух выпусках «Ишрака»: первую часть – в 2012 г., вторую – в 2013 г.». Но узнав во время вышеупомянутой конференции об ответе А.В. Смирнова и получив позже сам текст ответа, Т. Ибрагим понял, что «после выхода в свет моего ответа его научная репутация окажется под большим вопросом», поэтому он «поспешил заранее опубликовать все свое сочинение», «переименовал вторую часть в первую» и так ее и опубликовал [38]. А что касается версии для «Ишрака» (по А.В. Смирнову, это первая часть очерка), то Т. Ибрагим сначала «снял большую часть своей статьи – всю главу “Философия”, оставив главу о языке и изменив заголовок статьи», таким образом «посчитав свою позицию заведомо проигрышной», а потом «снял и остаток статьи» [40, с. 601–602].

Ограничусь двумя замечаниями. Во-первых, г-н Эшотс, полагаю, подтвердит, что ни о каком распределении первоначальной версии по двум выпускам «Ишрака» речь даже и не велась!

Во-вторых, утверждая, будто в журнал «Современный ислам» соответствующую часть очерка я сдал спустя некоторое время после означенной конференции и именно по ознакомлению с его ответом [38; 40, с. 601], А.В. Смирнов, видимо, не учел, что любой читатель может заглянуть в тот номер журнала – и обнаружит дату его подписания в печать: 05.09.2011!

³ Это выражается, среди прочего, в том, что «закон [не]противоречия» («А не может одновременно быть и Б и не-Б») А.В. Смирнов путает с «законом исключенного третьего» («А должно быть либо Б, либо не-Б»), фактически объявляя первый иной «формулировкой» второго и заявляя, будто разница между этими двумя формулировками «существенна» для арабо-мусульманского мышления, но не для европейского/западного.

⁴ А.В. Смирнов настаивает на различии «инаковости» и «специфики», прилагая вторую квалификацию только при сравнении между собой культур, которые объединяет общая «логика», в частности – европейские/западные культуры.

⁵ Как увидим в заключительной главе настоящего очерка, в своем ответе [40] А.В. Смирнов неуклюже пытается смягчить тезис о лингвистическом детерминизме «логики смысла».

⁶ Список работ А.В. Смирнова, которые ниже будут цитироваться нами согласно соответствующему номеру, помещен в конце очерка. Все они (кроме №№ 1а и 18) опубликованы на его интернет-страничке (<http://smirnov.iph.ras.ru/win/staff/smir3.htm>), притом как в формате pdf, как и формате word (во второй версии порой внесены изменения сравнительно с бумажной публикацией). При цитировании текстов из этих работ мы сохраняем имеющуюся в них форму передачи арабских слов и имен.

⁷ «... “механизмы” смыслополагания, благодаря которым сформировано смысловое тело культуры, зависят от родного языка. В этом смысле культуру выбрать нельзя – можно физически переместиться в пространство другой культуры, сменив место жительства, но невозможно превратить чужую культуру в свою» [29, с. 22].

⁸ В частности, относительно положения мусульман в европейском обществе А.В. Смирнов заявляет: «Я убежден, что никакая “интеграция” мусульман в систему идей и ценностей западного общества не может быть чем-то иным, кроме “продавливания” собственного исламского сознания и навязывания иной системы ценностей и смысловых координат. Такое продавливание никогда не будет успешным, разве что в случае полной *ассимиляции*. Поэтому на практическом уровне речь может идти только о вечно нестабильном балансе взаимного “ненападения” со стороны двух культур, западной и исламской» [17, с.399; курсив мой – Т.И.].

⁹ «Содержательные расхождения могут быть предметом диалога двух содержательно-инаковых культур... В отличие от этого, логико-смысловые различия не могут быть “сглажены” в принципе... Когда признают “специфику” той или иной культуры, когда декларируют *терпимое или поощрительное отношение к такой специфике*, создается впечатление некоего позитивного действия... *Плохо здесь* то, что такое признание и поощрение означают, и не могут не означать, отрицание логико-смыслового фундамента культуры... О специфике может – и должна – идти речь для тех, и только для тех культур, которые связаны отношением содержательной инаковости. Культуры, различающиеся логико-смысловым основанием, характеризует целостное различие, а не специфика. В таком случае систему смысловых связей, образующих некое единство в одной культуре, нельзя изменить лишь частично, чтобы получить ту систему смысловых связей, которые в другой культуре также образуют единую структуру: *изменения*

должны быть целостными, они затронут и логику, и содержание всех смысловых единиц» [24, с. 153–154; курсив мой – Т.И.].

¹⁰ Возражения А.В. Смирнова на замечания касательно идеологических аспектов ЛСТ будут прокомментированы мною в заключительной главе.